

Рациональность как фундаментальное понятие философии права – о духе и букве закона*

Л.А. Тухватулина, В.С. Кржевов

В статье анализируется значение понятия рациональности в науке о праве и в социальной философии. Авторы полагают, что смысловой узел проблемы рациональности в науке о праве может быть зафиксирован через соотношение категорий формальной и материальной рациональности, предложенных М. Вебером. Если формальная рациональность обеспечивает структурную упорядоченность правового корпуса и единообразие юридического толкования, то категория материальной рациональности обозначает социальные ориентиры правоприменения. В статье рассматривается концепция австрийского правоведа Г. Кельзена как пример наиболее последовательного обоснования формальной рациональности в праве. Кроме того, осмысливаются некоторые перспективы и риски «материализации» рациональности в правоприменении. Так, следование принципам материальной рациональности позволяет сделать правоприменение более гибким, расширяя возможности учета конкретных обстоятельств. Однако вероятную опасность здесь представляет использование права в узких интересах той или иной социальной группы. Используя ресурсы системно-теоретического подхода Никласа Лумана, авторы показывают, что снижению возможных рисков «материализации» рациональности способствует соотнесение локальных целей и задач правоприменения с объективными принципами организации общества. Авторы показывают, что, несмотря на общее стремление М. Вебера выстроить свою концепцию как альтернативу марксизму, эти учения оказываются совместимыми в применении к анализу рациональности в праве.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Вебер, право, рациональность, Кельзен, Маркс, толкование, правоприменение.

ТУХВАТУЛИНА Лиана Анваровна – кандидат философских наук, младший научный сотрудник сектора социальной эпистемологии Института философии РАН, Москва.

spero-meliora@bk.ru

КРЖЕВОВ Владимир Сергеевич – кандидат философских наук, доцент кафедры социальной философии и философии истории философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва.

krjevov@mail.ru

Статья поступила в редакцию 13 июня 2018 г.

Цитирование: Тухватулина Л.А., Кржевов В.С. Рациональность как фундаментальное понятие философии права – о духе и букве закона // Вопросы философии. 2019. № 1. С. 26–30.

* Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 18-011-01097 «Социальная теория и власть: современная российская перспектива», а также проект № 17-03-00733-ОГН «Системно-коммуникативный подход Н. Лумана в приложении к российскому обществу».

© Тухватулина Л.А., Кржевов В.С., 2019 г.

Правоведение, на наш взгляд, является достаточно консервативной областью социального знания. Это соображение отчасти подтверждается тем, что на протяжении всего XX в. в континентальной традиции науки о праве преобладал юридический позитивизм. Даже если предпринимались попытки разработать другие подходы, их авторы вынуждены были определять свое отношение к нему. Наряду с этим и в американской традиции правоведения, отличающейся несколько большей вариативностью, доминирующие позиции занимало направление правового реализма, в рамках которого, по мнению исследователей [Wacks 2012, 282], были созданы теоретические предпосылки для «критической теории права» и так называемой «феминистской юриспруденции». Очевидно, что интересам субъектов современной рыночной экономики отвечает наличие стабильно функционирующей правовой системы, способной четко структурировать позиции в социальном пространстве, обеспечивать гарантии выполнения обязательств всеми участниками и тем самым минимизировать их возможные риски. Стабильность правовой системы предполагает наличие в обществе более или менее устойчивого консенсуса в вопросах трактовки ее основных понятий и способов правоприменения. Вместе с тем следует подчеркнуть, что, с одной стороны, правовые понятия должны адекватно описывать наличные социальные отношения, а с другой — обладать достаточной гибкостью, чтобы соответствовать интенсивным изменениям в этих отношениях.

Механизмы, обеспечивающие требуемую пластичность и эволюцию [Луман 2017] правовых систем, могут быть выявлены и исследованы только с привлечением категорий высокого уровня абстракции, поскольку эта задача не укладывается в рамки узкой предметной специализации науки о праве. А потому изучение динамики современного права требует обращения к концептуальному аппарату философии, в которой разработан богатый концептуальный аппарат для изучения природы нормативного знания (см.: [Касавин 2017]).

Особое значение для осмысления проблем современного правоприменения имеет также тематика рациональности; в ее разработку значительный вклад внес М. Вебер. В последний период творчества он разрабатывал гипотезу о поэтапной смене доминирующих типов рациональности в истории — от первоначального традиционного с последующим переходом к ценностно-рациональному и далее к целерациональному. Одним из наиболее значимых проявлений этого «расколдовывания мира» стало становление бюрократии как доминирующей социальной группы, исповедующей принципы «самой рациональной формы реализации господства» [Вебер 2016, 261]. Исходя из этого, можно уверенно утверждать, что именно в праве целерациональность как доминирующая установка социального действия обретает высшую форму *«логически формальной рациональности»*.

Пожалуй, наиболее полное выражение идея о формализации метода построения системы права и толкования законов с использованием правил дедуктивной логики нашла в концепции австрийского правоведа Ганса Кельзена [Kelsen 1992]. Разработанное им «чистое учение о праве» требовало достижения герменевтической замкнутости системы законов, что, по замыслу автора, позволяло обеспечить такую степень чистоты процедур толкования и применения права, которая должна была устранить самую возможность инородных привнесений. Решение этой задачи достигалось за счет принципа строгой логической выводимости норм из первоначальной системеобразующей нормы. Однако попытки реализовать этот замысел в правовой практике потерпели ожидаемую неудачу. Достаточно быстро выяснилось, что невозможно сформулировать исходную правовую аксиому, для всех неоспоримо «ясную и отчетливую» и притом позволяющую построить систему следствий, охватывающих множество всех возможных юридических коллизий.

Тем не менее важно подчеркнуть, что принцип формальной рациональности, на основе которого создаются и корректируются системы правовых установлений, играет весьма важную роль в обосновании и поддержании социального порядка [Тухватулина 2017]. Отсюда следует также, что в современных условиях соблюдение принципа фор-

мальной рациональности в праве укрепляет «общественный договор», возмещая характерную для демократических государств десакрализацию политической власти. Именно поэтому концепция Кельзена сохраняет ценность как для теории права, так и для социальной теории в целом.

Вместе с тем напомним, что веберовский «бюрократ» — олицетворение именно формальной рациональности — выполняя должностные предписания, не оценивает их с точки зрения разумности и эффективности. Точно так же и кельзеновский правовед, толкуя нормы, не должен задаваться вопросами о моральной, экономической или какой-либо иной целесообразности их применения — его занимает чисто юридическая сторона дела. Эти соображения отчетливо демонстрируют, что как раз применительно к праву принцип формальной рациональности обнаруживает недостаточность.

В силу сказанного осмысление всего комплекса юридической рациональности едва ли не в первую очередь требует анализа ее «материальной» составляющей. Здесь имеется в виду понятие *материальной рациональности*, предложенное все тем же М. Вебером (см.: [Вебер 2016, 393]). Американский правовед Данкан Кеннеди, комментируя эти рассуждения Вебера, заметил, что материальная рациональность при создании и особенно при применении правовых норм требует принимать во внимание наличное миропонимание и ценностные установки законодателей и судей, а тем самым и те социальные задачи, которые в их представлении должны быть решены посредством права [Kennedy 2004, 1041].

Разумеется, существенным преимуществом «материальной рациональности» оказывается создаваемая ею возможность учитывать эти факторы, позволять законодателям и правоведам применять ее к конкретным обстоятельствам и тем самым делать правоприменение более гибким. Но в то же время следование этому принципу создает более чем вероятную опасность использования права в узких интересах той или иной социальной группы, а то и отдельного человека, притом что, как давно замечено, в подобных ситуациях частный интерес стремятся представить как всеобщий. Примеров подобного использования правового инструментария история знает более чем достаточно.

При этом следует принимать во внимание, что в большом числе подобных случаев приговоры выносились в соответствии с нормами действующего на тот момент формального права, а в «мотивировочной» их части в той или иной форме присутствовала ссылка на «интересы общества». В сфере права все это стало возможным именно в силу специфической трактовки «материальной рациональности» как требования соответствия преобладающим в обществе умам настроениям и ценностным приоритетам.

Чтобы разобраться в существе дела, вкратце обратимся к полемике (заочной, разумеется) между Вебером и Марксом по поводу природы права, ценностных установлений и шире — содержания общественного сознания в их конкретно-исторической определенности. Для Вебера идейная составляющая человеческой деятельности была «независимой переменной» процессов исторического изменения — дух следовал «своей природе» по собственным, имманентным ему законам, будучи свободным от внешних ему обстоятельств. Для Маркса же «общественное сознание» (включая право) было «отражением общественного бытия», а формы этого бытия — материального и независимого от сознания, также сменяли друг друга по определенным законам (см. [Кржевов 2015]).

История знает немало примеров крупных социальных конфликтов и мощных общественных движений, вдохновлявшихся ложно понятыми интересами. Этим, по всей видимости, и объясняется сильно упрощенное понимание содержания этого понятия, сведенного только к противостоянию «антагонистических классов». Более того, с учетом реалий истекшего столетия сама идея такого якобы неодолимого противостояния выглядит сильнейшим преувеличением. Разумеется, невозможно отрицать, что классовые интересы во многом не совпадают и их конфликт, как говорится, является фактом. Но ведь классы — это функциональные группы, обособляются они вследствие разделения труда и уже только в силу этого становятся взаимно необходимыми друг для друга. Сегодня более точно, чем во времена Маркса, представляя себе необходимые условия самоподдержания социальных систем, мы гораздо большее значение придаем этой взаимозависимости.

В этих обстоятельствах именно право во всех разветвлениях становится важнейшим инструментом решения задачи поддержания устойчивого социального порядка. Однако для выполнения им этого предназначения правотворчество и правоприменение должны быть соответствующим образом ориентированы, и такая ориентация является первоочередной задачей современной науки о праве. Соответственно, методология этой науки сможет отвечать этим ожиданиям, взяв на вооружение принцип «материальной рациональности» не в чисто веберовском, а, скорее, в обновленном марксистском его понимании. То есть необходимо направлять усилия законодателей, правоведов и юристов-практиков на воплощение в правовых установлениях доминирующего общественного интереса в сохранении стабильной социальной организации как непрерывного условия воспроизводства человечества.

Источники – Primary Sources in Russian translation

Вебер 2016 – Вебер М. Хозяйство и общество. Очерки понимающей социологии. Т. 1. Социология / Сост., общ. ред. и предисл. Л.Г. Ионина. М.: Высшая школа экономики, 2016 [Weber, Max *Wirtschaft und Gesellschaft. Grundriss der verstehenden Soziologie* (Russian translation, 2016)].

Луман 2017 – Луман Н. Эволюция науки // Epistemology & Philosophy of Science / Эпистемология & философия науки. 2017. Т. 52. № 2. С. 215–233. [Luhmann, Niklas *Evolution of Science* (Russian translation, 2017)].

Ссылки – References in Russian

Касавин 2017 – Касавин И.Т. Нормы в познании и познание норм // Epistemology & Philosophy of Science / Эпистемология и философия науки. 2017. Т. 54. № 4. С. 8–19.

Кржевов 2015 – Кржевов В.С. К вопросу о специфике методов обществознания // Epistemology & Philosophy of Science / Эпистемология и философия науки. 2015. Т. 45. № 3. С. 23–28.

Тухватулина 2017 – Тухватулина Л.А. Рациональность в праве: подход Н. Лумана // Epistemology & Philosophy of Science / Эпистемология и философия науки. 2017. Т. 54. № 4. С. 175–190.

Voprosy Filosofii. 2019. Vol. 1. P. 26–30

Rationality as a Fundamental Notion of Legal Philosophy: on the Letter and the Spirit of Law*

Liana A. Tuhvatulina, Vladimir S. Krzhevov

The authors consider the meaning of the concept of rationality in law. They discuss the concepts of formal and substantive rationality developed by Max Weber in their application to the field of legal reality. The most crucial point here is while the formal rationality provides structural consistency of legal norms and unity of legal interpretations, the substantive rationality is focused on the social purposes of law enforcement. The authors consider “the pure theory of law” by Hans Kelsen in its relation to the idea of justification of the formal rationality in legal theory. They pay special attention as well to some prospects and risks of the “materialization” of rationality in modern law. They claim that we could avoid some risks rising from “the materialization” of law if we put some local goals and purposes of law enforcement into the context of global principles of social organization. The authors argue that the integration of the basic principles of Marx’s and Weber’s social analysis could provide the research with some useful insights on the origins of “substantive” rationality in modern law. The authors try to show that, despite all the theoretical contradictions between Marxian and Weberian approaches, these concepts seem to be compatible in the field of legal rationality.

KEYWORDS: Weber, law, rationality, Kelsen, Marx, interpretation, law enforcement.

* This paper is prepared with the support of Russian Foundation for Basic Research, project № 18-011-01097 “Social Theory and Authority: Contemporary Russian Perspective” and project № 17-03-00733-ОГН “Systems-communicative approach towards the Russian society”.

TUKHVATULINA Liana A. – CSc in Philosophy, Junior Research Fellow at the Department of Social Epistemology, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow.

spero-meliora@bk.ru

KRZHEVOV Vladimir S. – CSc in Philosophy, Associate Professor at the Department of Social Philosophy and Philosophy of History, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University, Moscow.

krjevov@mail.ru

Received at June 13, 2018.

Citation: Tukhvatulina, Liana A., Krzhevov, Vladimir S. (2019) ‘Rationality as a Fundamental Notion of Legal Philosophy: on the Letter and the Spirit of Law’, *Voprosy Filosofii*, Vol. 1 (2019), pp. 26–30.

DOI: 10.31857/S004287440003614-0

References

Kasavin, Ilya T. (2017) ‘Norms in Cognition and Cognition of Norms’, *Epistemology & Philosophy of Science*, 2017, 54, 4, pp. 8–19 (in Russian).

Kelsen, Hans (1992) *Introduction to the Problems of Legal Theory*, Clarendon Press, Oxford.

Kennedy, Duncan (2004) ‘The Disenchantment of Logically Formal Legal Rationality, or Max Weber’s Sociology in the Genealogy of the Contemporary Mode of Western Legal Thought’, *Hastings Law Journal*, 2004, 55, pp. 1031–1076.

Krzhevov, Vladimir S. (2015) ‘On the Specific Character of the Methods of Social Sciences’, *Epistemology & Philosophy of Science*, 2015, 45, 3, pp. 23–28 (in Russian).

Tukhvatulina, Liana A. (2017) ‘Rationality in Law: Niklas Luhmann’s Approach’, *Epistemology & Philosophy of Science*, 2017, 54, 4, pp. 175–190 (in Russian).

Wacks, Raymond (2012) *Understanding Jurisprudence. An Introduction to Legal Theory*, Oxford University Press, Oxford.